

Н. С. Гусев

Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912–1913 гг. и российские мусульмане*

Осенью 1912 г. связанные договоренностями Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи — началась Первая балканская война. В России она вызвала большой интерес, в газетах появились рубрики, посвященные событиям на Балканах, выходили брошюры, проводились публичные лекции и славянские обеды, собирались пожертвования, на полуостров отправлялись лазареты Красного Креста и добровольцы, — все это довольно подробно рассмотрено в научных трудах¹.

Одни видели в этой войне завершение русского дела по освобождению южных славян, другие — борьбу прогресса против отсталости, некоторые — даже противостояние славянства и германизма. В таких случаях симпатии практически любого жителя Российской империи оказывались на стороне балканских союзников. Но существовал еще один пласт восприятия Первой балканской войны, и он уже грозил единству общества. Им являлось понимание событий на полуострове как «борьбы Креста с Полумесяцем», что находило широкое выражение в публичной риторике.

На одном из ставших популярными славянских банкетов участники приняли резолюцию, в которой горячо приветствовали успехи противников Турции по возвращению новых земель «в лоно христианской цивилизации и культуры»². И. П. Балашев, влиятельный сановник и дядя лидера

***Гусев Никита
Сергеевич***

кандидат
исторических
наук, научный
сотрудник, Институт
славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Всероссийского национального союза П. Н. Балашева³, вспоминал предков, честно потрудившихся в «вековой борьбе Креста с Полумесяцем» и завещавших «завершение победы Арийского племени над Тюркским»⁴. Сотрудник газеты «Новое время» И. П. Табурно утверждал, что на Балканах вершится «победа русского знамени». Но не только потому, что народы близки по крови и Россия принесла жертвы ради их освобождения, но и в связи с тем, что «сербско-болгарская армия» закончила начатую «более двухсот лет тому назад русским народом борьбу Славянства против Полумесяца»⁵. Греческая королева Ольга, урожденная российская великая княгиня, писала своим родным: «Это крестный поход! И как все это случилось неожиданно, нежданно-нежданно, то, о чем я мечтала 45 лет, т. е. союз православных народов против ислама»⁶. Подчеркивал это и русский доброволец, болгарин по происхождению, И. Д. Чинтулов, рассказывая в своих воспоминаниях в журнале «Военный сборник» о том, что болгарское село Ахмет-бей встречало войска с хоругвями и иконами⁷. Впрямую о войне за веру говорил и манифест болгарского царя об объявлении войны.

Этот взгляд на войну встречался не только в националистически настроенной прессе. Так, в «Историческом вестнике» писали: «Кровавое зарево многовековой упорной борьбы Креста с Полумесяцем снова ярко осветило Балканский полуостров»⁸. Появлялась подобная точка зрения и на страницах либерально настроенного журнала «Вестник Европы», где кадет П. Б. Струве заявлял: «Победа христиан на Ближнем Востоке есть торжество России, быть может, завершение одной из ее великих исторических задач»⁹. Поэт В. Я. Брюсов видел в Балканском союзе христианское воинство, а в самой войне — «очередную главу в истории изгнания турок из Европы». «Панмонголизм и панисламитизм — вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться», — предрекал он¹⁰.

Звучал этот мотив и в стихах менее известных поэтов. П. Т. Шацких писал в произведении «Война»:

Меж тем, там льется кровь, горят родные села,
Неконченных работ оставлены дела;
Чтоб узел разрубить их векового спора,
Славянская семья на смертный бой пошла.
Там где-то на горах, там где-то на Балканах,
Идут, идут опять отряды орд диких,
Чтоб показать еще на близких нам славянах
Вражду свою к Кресту, к свободе для других.

И. Шепелев — в «Посвящается славянам»:

Теперь довольно жертв мученья
Коварно-злых мусульман;
Раздайся грозный голос мщенья
За кровь невинных христиан!...¹¹

«Святой Крест ярко блеснул в душе черногорцев, болгар, сербов и греков и затмил слабое мерцание угасающего турецкого полумесяца», — поэтически заявлялось во введении брошюры об истории Балкан, предназначенной «для

армии и народа»¹². «Водрузить победный крест на купол св. Софии — вот, что было затаенной мечтой православных славян!» — на следующих страницах автор объяснял героизм и жертвенность болгар и сербов, указывая, что народы Балкан в войне видели именно «борьбу креста с полумесяцем»¹³. И эти идеи, понятные даже человеку, не знакомому с географией, политикой и скептически относящемуся к демократии и прогрессу, с легкостью проникали в широкие массы населения. Агенты полиции докладывали, что если интеллигенция воспринимала события на полуострове как борьбу славян за свободу, то «простой же народ если и симпатизирует, так только потому, что “нехристь-турка притесняет православных”»¹⁴.

Естественно, подобная риторика не могла разделяться мусульманами России. Во время Первой мировой войны эта часть населения в целом проявляла лояльность российскому государству, которое воспринимало своим¹⁵. Однако в 1912 г. ситуация отличалась — официально Россия придерживалась нейтралитета, поэтому ее жители могли симпатизировать любой стороне. Среди той части мусульманской интеллигенции, которая была включена в общеимперскую интеллектуальную и политическую элиту, возмущение вызывало доминирующее в прессе отношение к войне. Прежде всего они критиковали либеральные круги. Так, известный востоковед, ученый С. Л. Лапин 11 декабря 1912 г. обратился с открытым письмом к П. Н. Милюкову. Он указывал, что мусульмане не удивлялись, когда националисты видели в Балканской войне торжество креста над полумесяцем, но считали, что прогрессивная часть общества выступала за славян «из реальных политических целей» страны или из заступничества за угнетенных. Но своим воззванием «Поддержите наших друзей» лидер кадетов расставил все точки над «i», заговорив о «праве любви к близким». С. М. Лапин вопрошал П. Н. Милюкова: значит ли это, что и мусульмане имеют право симпатизировать туркам; и в конечном счете, если все жители страны станут столь бездумно вставать на чью-либо сторону в подобных ситуациях, не приведет ли это к внутренним проблемам?¹⁶

Подобные дискуссии звучали и в Государственной думе. Правый депутат В. И. Мельников утверждал: «Дело в том, что это не есть простая победа, а — победа над исламом, столько веков преграждавшим путь к единению славян»¹⁷. После этих слов вышел со своими возражениями избранник от Закавказского округа М. -Ю. Г. Джафаров. Он заявил о недопустимости подобной формулировки, встречающейся и у «известной части русской прессы». По его мнению, она сеяла антагонизм между разноконфессиональными гражданами России, в чем таилась серьезная опасность, поскольку «темные массы» могут подумать, «что в самом деле идет крестовый поход против ислама, борьба с исламом: давайте, начнем и мы эту борьбу в России». «Всякий здравомыслящий человек должен говорить, что борьба идет с Турецким государством, с турками, а не с исламом», — сказал он под аплодисменты центристов и левых¹⁸.

Вопрос отношения российских мусульман к Балканским войнам 1912–1913 гг. нельзя считать полностью изученным в силу небольшого количества исследований, часть из которых к тому же страдает тенденциозностью¹⁹. Вдобавок не задействовались документы департамента полиции, который, помимо регулярного наблюдения за населением, осенью 1912 г. для подготовки доклада императору выяснял отношение населения к Балканским войнам²⁰. Например, из Царицынского уезда

Саратовской губернии докладывалось: «Все слои населения, кроме мусульман, сочувствуют славянам выражением желания им успеха»²¹. Более исследована позиция мусульманской интеллигенции.

Как утверждает японский исследователь У. Томохико, казахские интеллигенты в этом конфликте прямо не поддерживали Османскую империю, но их высказывания показывают, что они относились к ней достаточно сочувственно²². Татарские газеты переживали за Турцию как за единственную независимую страну, исповедующую ислам, и видели в ее судьбе ответ на вопрос, что будет с их религией в XX в. Корреспонденты в Константинополе демонстрировали обратную сторону войны, описывали зверства христиан над мусульманами, и редактор газеты «Вақыт» («Время») Ф. Карими прямо заявлял: «Я совершенно не хочу верить сообщениям русских газет о том, что турки причиняют зло христианам, поскольку положение и психологическое состояние турок совершенно не способствуют агрессивным действиям. Они были бы рады спасти себя»²³.

Одним из проявлений сочувствия стала материальная помощь. В магазинах Казани продавались пластинки из Турции с победными маршами, портреты младотурок, проводился сбор пожертвований²⁴. Супруга турецкого посла в Петербурге открыла сбор средств в Обществе Красного Полумесяца в пользу раненых турок. Московские мусульмане пожертвовали в него около 50 тыс. руб., иркутские — свыше 3 тыс. руб.²⁵ По сообщениям полиции, в Баку на это было собрано 260 тыс. руб., а в Карсе на военные нужды Турции население отдало 3,5 тыс. руб. По неподтвержденным данным полиции, в Тифлисе местное духовенство призвало на праздник Курбан-Байрам не приносить в жертву баранов, а перечислить эти деньги в пользу Турции²⁶. В то же время оренбургские и казанские власти наложили запрет на подобные действия²⁷, иначе, как доносил начальник казанского губернского жандармского управления, пожертвования бы «посыпались со всех сторон»²⁸. В итоге, несмотря на отсутствие формальных обоснований, региональные власти выталкивали вполне безобидные проявления симпатий российских мусульман к своим единоверцам за рамки закона и придавали им характер подпольной деятельности. Турецкие эмиссары прибывали в Россию сами собирать средства. 13 ноября они появились в Туркестанском крае, взяв по два рубля с кибитки, о чем было донесено военному министру²⁹. В Мервском уезде трижды был произведен подобный сбор, принесший, по данным нижегородского исследователя О. Н. Сеньюткиной, сразу около 40 тыс. руб.³⁰

Переводились деньги и через посредников. Из Туркестана деньги отправлялись почтой в Кульджу (Синьцзян-Уйгурский район Китая), местные мусульмане вносили их в банк и оттуда уже переводили в Константинополь; таким образом в ноябре через г. Верный (ныне — Алма-Ата) было отправлено 7 тыс. франков³¹. Еще одним способом являлась отправка денег на имя российских подданных-мусульман, обучавшихся в Константинополе³².

Щедрее всего были купцы-мусульмане. Имам Нижегородской ярмарочной мечети Ф. Сулейманов в августе 1913 г. принял участие в нелегальном собрании своих единоверцев, занимавшихся торговлей и пожертвовавших 35–40 тыс. руб. Как признавал издатель газеты «Йолдыз» («Звезда») Х. Максуди, в казанской губернии торговцы «выписывают татарские газеты и скорбят по нации»,

а крестьянская масса вяло реагирует на события³³. Донесения агентуры полиции подтверждают эту оценку. Мусульман-крестьян война интересовала, но «интерес их чисто обывательский: им хочется только узнать, что происходит на поле битвы и на чьей стороне останется победа». Они симпатизировали Османской империи и считали, что Россия является виновником конфликта. В связи с этим отмечался и рост неприязни к русскому населению. В то же время крестьяне сочувствовали туркам как своим единоверцам, а так называемые передовые мусульмане — как братьям по крови³⁴. Хотя тогда же из Ташкента докладывалось, что среди местной интеллигенции в связи с войной распространились идеи панисламизма³⁵.

Схожей ситуация была и на Кавказе. Среди широких мусульманских масс сочувствие было «чисто идейным», но среди духовенства и интеллигенции оно находило и практическое выражение: сбор пожертвований в пользу Красного Полумесяца, рассылка воззваний ЦК «Мусавата» к кровавой борьбе с христианами для защиты Турции и отправка добровольцев³⁶.

Масштаб и зачастую нелегальный характер сбора средств не привел к массовой отправке лазаретов и госпиталей, однако были одиночки-волонтеры, желавшие оказать помощь единоверцам. 20-летний ученик медресе Уфы М.-Ш. Досжанов через Севастополь и Бейрут поехал в Константинополь, где вместе с тремя мусульманами из Петербурга, двумя из Уфы и одним из Самарканда работал в больнице при университете. В свое учебное заведение он писал, указав вымышленного адресата: «Я лечу моих братьев-героев, раненых за народ, за нацию, за отечество... наших кровных братьев грабят со всех сторон их враги, а нам, мусульманам, как имеющим ту же душу, надо жертвовать собой. Мы хорошо показали, что мы существуем и что у нас не погибло чувство солидарности с братьями»³⁷.

Отправлялись добровольцы и в армию. Ушел на фронт в звании сотника известный татарский политический деятель Ю. Аккура, младший брат упомянутого журналиста Ф. Карими³⁸. Желавшие сражаться под знаменами султана переходили границу южнее Батума, около Атвины и Ризы, двигаясь далее через Чевуш в Трапезунд, откуда уже доставлялись на пароходах. Агентура полиции в Константинополе сообщала, что прибывали они «значительными партиями, причем 18 декабря прошлого года, под командой разбойника Сеида Акаева, одного из помощников Зелим-Хана, прибыла партия в 300 чел.»³⁹, имеющих при себе 700 русских винтовок и значительное количество патронов⁴⁰. Их деятельность была отмечена высокими наградами; согласно донесениям, Зелимхан Гушмазукаев (он же — Зелимхан Харачоевский, один из легендарных лидеров абреческого движения на Кавказе) был удостоен двух золотых медалей и офицерского чина. На Чаталдже — последней линии обороны Константинополя, так и не поддавшейся натиску болгарских войск, — над братской могилой павших дагестанцев планировалось возвести памятник⁴¹.

Вместе с тем стоит учитывать, что Зелимхан являлся одним из лидеров абреческого движения, в котором участвовали наиболее пассионарные и ненавидящие царскую власть горцы. Поэтому вряд ли указанных добровольцев стоит считать примером, который можно принимать за правило. Известны случаи противоположного поведения, хотя и не бескорыстного. Корреспондент газеты «Раннее утро» Н. И. Гасфельд так описывает встретившихся ему на румыно-болгарской границе добровольцев: «Какие-то мрачные кавказцы, в папахах и бурках, с целым

арсеналом за поясом и медалями на груди, оживленно беседовали на лезгинском наречии». Они участвовали в Русско-японской войне с дагестанским конным полком, а теперь отправлялись предложить свои услуги балканским армиям, если «дадут лошадей и 25 р. в месяц, на всем готовом»⁴². Указанные лица ехали сражаться явно не за идею, поскольку ожидали жалованья. Спустя некоторое время, когда начнется Первая мировая война, в российской армии будет создана Кавказская добровольческая конная дивизия (она же — Дикая дивизия); в ней при своей лошади, обмундировании, холодном оружии и снаряжении всаднику причиталось 20 руб. в месяц⁴³.

Как видим, Первая балканская война взбудоражила российских мусульман. В итоге в правительственном циркуляре, опубликованном газетой «Новое время» весной 1913 г., говорилось, что «под влиянием последних событий на Балканах мусульмане заинтересовались славянским вопросом» и начали его обсуждение. «Они очень недовольны Россией и русским правительством за поддержку Россией славян. Получаются сведения, что в случае войны с Китаем мусульмане решили поддерживать материально и морально монголов». Наибольшее внимание циркуляр рекомендовал уделить настроениям киргизов, волжских и крымских татар⁴⁴.

Летом 1913 г. разразилась Вторая балканская война — не сумев договориться о разделе Македонии вчерашние союзники стали решать вопрос *manu militari* (лат. воинской рукой). Болгария начала военные действия против Сербии и Греции; воспользовавшись ситуацией, на ее территорию вторглась Румыния; через шесть недель в Бухаресте был подписан мирный договор, навсегда поставивший крест на идее объединения южных славян. В российском обществе подобный исход столь воодушевляющего объединения славян вызвал разочарование и привел к поиску виновных⁴⁵. Иные чувства события вызвали у мусульман. Казахский публицист А. Букейхан назвал Вторую балканскую войну «собачьей дружбой» и иронизировал над тем, что европейские державы, хвалясь своей культурностью и прогрессивностью, закрывали глаза на вмешательство Румынии, насилие над населением присоединенных территорий⁴⁶.

Воспользовавшись тяжелым положением Болгарии Турция, армия которой перешла границу, практически не встречая сопротивления, стала продвигаться на запад и вышла к довоенной границе, вернув себе Адрианополь. Примечательно, что, когда эта крепость была взята болгарскими войсками при поддержке сербских, по всей России прошли молебствия и манифестации⁴⁷. В Государственной думе также происходило широкое празднование, с пением хора депутатов и торжественным славословием в честь находившихся в Петербурге главы болгарского парламента С. Данева и генерала Р. Димитриева. Тогда председатель мусульманской фракции К.-М. Б. Тевкелев заявил, что не может льстиво присоединиться к поздравлению с победой над своими родственниками⁴⁸. Возвращение города под скипетр султана также вызвало оживление у определенной части населения, но власти вели себя иначе. Из Ашхабадского подразделения департамента полиции докладывалось, что среди местных мусульман «замечается плохо воздерживаемое ликование и оживленные толки по поводу события», в мечетях Красноводска (ныне — Туркменбаши) планировалось совершить благодарственное молебствие. Но чиновники на местах вновь проявили рвение в службе, и красноводский уездный воинский

начальник Карпинский «категорически воспретил всякие проявления восторгов» и богослужения по поводу побед турок, а в случае неисполнения указа обещал арестовать мулл⁴⁹.

Как видим, Балканские войны 1912–1913 гг. предстали перед российским обществом в том числе и в религиозном плане, что создавало проблемы для многоконфессиональной страны. Если ораторы, выступавшие в рамках доминирующего христианского дискурса, будто не замечали, что ведут к расколу в стране, то мусульманское меньшинство все больше осознавало себя чужим в государстве. Понимая это, часть мусульманской интеллигенции пыталась донести до сограждан, что подобная риторика опасна для самой России, но их голоса тонули в общем калейдоскопе славянских обедов и панегириков балканским православным народам. Сами российские мусульмане проявляли симпатии к Османской империи, не выходя за рамки законодательства, совершая в отношении своих единомышленников ровно то же, что и российские христиане в отношении своих. Однако личные пристрастия, представления об интересах России местных властей зачастую приводили к выдавливанию мусульман за рамки правового поля, что также не повышало лояльность населения провинций. В конечном счете, в силу недалекости властей и публичных лиц, в России сложились два параллельных общества, совершавших идентичные действия, но каждое — в отношении разных сторон Балканских войн, что не способствовало стабильности в империи и интеграции мусульманского населения.

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект # 472-LED-SW).

¹ Гусев Н. С. Первая Балканская война и русское общество // *Славяноведение*. 2015. № 5. С. 43–50; Кострикова Е. Г. Первая Балканская война и российское общество // *Вестник Университета дружбы народов. Сер. «История России»*. 2009. № 4. С. 97–110; Кострикова Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 222–292; Шевцова Г. И. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012.

² Boeckh K. The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13 // *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* / eds K. Boeckh, S. Rutar. Regensburg, 2017. P. 119.

³ См. об этом: Иванов А. А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 51.

⁴ Балашев И. П. Заветная мечта каждого русского. СПб., 1913. С. 5.

⁵ Табурно И. П. О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.). СПб., 1913. С. 7.

⁶ Соколовская О. В. О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // *Славянский альманах* 2009. М., 2010. С. 406.

⁷ Чинтулов И. Воспоминания добровольца // *Военный сборник*. 1913. № 8. С. 141.

⁸ М. А. С. Пиленко А. А. Около болгарской войны // *Исторический вестник*. 1913. № 3. С. 1038.

⁹ Струве П. Б. Балканский кризис и исторические задачи России // *Русская мысль*. 1912. № 10. С. 156.

¹⁰ Брюсов В. Новая эпоха во всемирной истории. По поводу Балканской войны // *Русская мысль*. 1912. № 6. С. 103–104.

¹¹ *Лекманов О.* Русская поэзия в 1913 году. Часть вторая // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4160> (дата обращения: 12.02.2017).

¹² *Дукишинский Е.* Балканские орлы (Исторический очерк жизни балканских союзников в связи с балкано-турецкой войной 1912–13 гг. для армии и народа с картой и рисунками). Гродна, 1913. С. 1.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 63. Оп. 32. Ед. хр. 1346. Л. 21.

¹⁵ *Исхаков С.* Отношение российских мусульман к Первой мировой // Российская история. 2014. № 5. С. 114.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1976. Л. 1–2.

¹⁷ Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 31–54: (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 17.

¹⁸ Там же. Стб. 18–19.

¹⁹ Так, не иначе как переключиванием ответственности можно назвать вывод казанского исследователя К. Г. Ахсанова: «Несчастные турецкие беженцы, спасшиеся от террора греков, болгар и сербов, были направлены властями на восток Анатолии. И невольно можно задаться вопросом: не на Балканах ли были возвращены ростки трагедии, которая затем развернулась в восточной Анатолии в 1915 г. с армянским населением этого региона?» (*Ахсанов К. Г.* Балканская война 1912–1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 184).

²⁰ *Гусев Н. С.* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // Славянский альманах 2017. Вып. 1–2. М., 2017. С. 426–439.

²¹ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 120.

²² *Томохико У.* Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // Алаш мұраты және тәуелсіз Қазақстан. Астана, 2011. С. 14.

²³ Цит. по: *Ахсанов К. Г.* Балканская война 1912–1913 гг. С. 181–183.

²⁴ *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Нижний Новгород, 2007. URL: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?1634> (дата обращения: 12.02.2017).

²⁵ Там же.

²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 14.

²⁷ *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление.

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 4 об.

²⁹ Там же. Оп. 242 (Особый отдел (далее — ОО). 1912 г.). Ед. хр. 300. Л. 75, 86–86 об.

³⁰ *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление. — В то же время начальник Туркестанского районного охранного отделения в донесении указывал, что 40 тыс. руб. составят именно по 2 руб. с кибитки (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242 (ОО. 1912 г.) Ед. хр. 300. Л. 75).

³¹ Ф. 102. Оп. 242 (ОО. 1912 г.) Ед. хр. 300. Л. 76.

³² *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление.

³³ Там же.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. 4-е делопроизводство. 1912 г. Ед. хр. 278. Л. 4–5.

³⁵ Там же. Л. 16.

³⁶ Там же. Л. 14–14 об.

³⁷ Там же. Оп. 243 (ОО. 1913 г.). Ед. хр. 300. Л. 54, 59.

³⁸ См. об этом: *Ахсанов К. Г.* Балканская война 1912–1913 гг. С. 181.

³⁹ Ф. Карими в своей книге указывал, что всего в военных действиях принимало участие более ста добровольцев из числа российских мусульман (приводится по: *Ахсанов К. Г.* Балканская война 1912–1913 гг. С. 181).

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 102. Оп. 242 (ОО. 1912 г.). Ед. хр. 300. Л. 100.

⁴² *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 18.

⁴³ *Опрышко О. Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С. 32.

⁴⁴ Новое время. 1913. 27 апр.

⁴⁵ См. об этом: *Котов Б. С.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 107–111.

⁴⁶ Приводится по: *Томохико У.* Восприятие международной обстановки. С. 15.

⁴⁷ *Гусев Н. С.* Разгон манифестаций в поддержку славян в России весной 1913 г. // Славяноведение. 2018. № 3. С. 3–14.

⁴⁸ *Томохико У.* Восприятие международной обстановки. С. 14.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 (ОО. 1913 г.). Ед. хр. 300. Л. 244.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гусев Н. С. Религиозный мотив восприятия Балканских войн 1912–1913 гг. и российские мусульмане // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 3. С. 560–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.301>
УДК 94(47).083

Аннотация: Осенью 1912 г. началась Первая балканская война, в которой против Османской империи совместно выступили православные государства полуострова. В России эти события вызвали широкий отклик в силу различных причин. Одной из них являлось представление о войне как о борьбе православия и ислама. В публичном пространстве чаще звучала поддержка христиан, что вызывало негативную реакцию у российских мусульман, сочувствовавших Турции. Усугубляло ситуацию поведение региональных властей, ставивших препоны проявлению симпатий к Османской империи, что законом запрещено не было, поскольку Россия придерживалась нейтралитета. В результате сбор пожертвований и отправка добровольцев приобрели характер нелегальной деятельности, хотя и широкомасштабной, однако в отношении православных государств на подобные шаги запретов не существовало. В итоге в России параллельно и независимо друг от друга возникли два движения, каждое из которых симпатизировало своим единоверцам, совершая практически аналогичные действия в отношении обеих сторон балканского конфликта. В статье отражены звучащая в то время риторика и проявление российскими мусульманами поддержки Османской империи.

Ключевые слова: Россия, Балканские войны, общественное мнение, православие, ислам.

Сведения об авторе: *Гусев Н. С.* — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия); gusevns@gmail.com

FOR CITATION

Gusev N. S. 'Religious Motif of Perception of the Balkan Wars of 1912–1913 and Russian Muslims', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, pp. 560–569. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.301>

Abstract: In the autumn of 1912, the First Balkan War began, in which the Orthodox States of the Peninsula jointly opposed the Ottoman Empire. In Russia, these events have evoked a wide response due to various reasons. One of them was the idea of war as a struggle between Orthodoxy and Islam. In the public space have been the support of Christians, which caused a negative reaction among Russian Muslims sympathized with Turkey. The situation was aggravated by the behavior of the regional authorities, which put obstacles to the manifestation of sympathy for the Ottoman Empire, which was not prohibited by law since Russia adhered to neutrality. As a result, the collection of donations and the sending of volunteers acquired the character of large-scale illegal activity, although there were no prohibitions against such steps against the Orthodox States. As a result, two movements emerged in Russia in parallel and independently of each other, each of which sympathized with its co-religionists,

making virtually similar actions in respect of both sides of the Balkan conflict. The article shows the orthodox rhetoric and expression of support of the Ottoman Empire by Russian Muslims at that time.

Keywords: Russia, Balkan wars, public opinion, orthodoxy, islam.

Author: Gusev N. S. — Candidate of History, Researcher, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); gusevns@gmail.com

References:

- Akhsanov K. G. 'Balkanskaia voina 1912–1913 gg. i tatarskaia obshchestvenno-politicheskaia mysl', *Uchenye zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*, vol. 149, book 4, 2007.
- Boeckh K. 'The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13', *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* (Regensburg, 2017).
- Gusev N. S. "...Kakie voobshche vyskazyvaiutsia soobrazheniia po voprosu zhelatel'nosti vmeshatel'stva Rossii v slavianskii vopros": doklad Departamenta politzii ob otnoshenii naseleniia Rossii k vozmozhnosti obshcheevropeiskoi voiny v 1912 g.', *Slavianskii almanakh 2017*, vol. 1–2 (Moscow, 2017).
- Gusev N. S. 'Pervaia Balkanskaia voina i russkoe obshchestvo', *Slavianovedenie*, no. 5, 2015.
- Gusev N. S. 'Razgon manifestatsii v podderzhku slavian v Rossii vesnoi 1913 g.', *Slavianovedenie*, no. 3, 2018.
- Ivanov A. A. *Vyzov natsionalizma: lozung "Rossiia dlia russkikh" v dorevoliutsionnoi obshchestvennoi mysli* (St. Petersburg, 2016).
- Iskhakov S. 'Otnoshenie rossiiskikh musul'man k Pervoi mirovoi', *Rossiiskaia istoriia*, no. 5, 2014.
- Kostrikova E. G. 'Pervaia Balkanskaia voina i rossiiskoe obshchestvo', *Vestnik Universiteta družby narodov. Seriya "Istoriia Rossii"*, no. 4, 2009.
- Kostrikova E. G. *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskii vopros: ideinaia bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka*. (Moscow, 2017).
- Kotov B. S. 'Mezhsoiuznicheskaia voina leta 1913 goda v vospriiatii russkogo obshchestva (po materialam pressy)', *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 3, 2015.
- Lekmanov O. 'Russkaia poeziia v 1913 godu. Chast' vtoraiia', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2013.
- Opryshko O. L. *Kavkazskaia konnaia diviziia. 1914–1917: Vozvrashchenie iz zabveniiia* (Nalchik, 2007).
- Seniutkina O. N. *Tiurkizm kak istoricheskoe iavlenie (na materialakh istorii Rossiiskoi imperii 1905–1916 gg.)* (Nizhny Novgorod, 2007).
- Shevtsova G. I. *Russkii gumannyi pokhod na Balkany (1912–1913)* (Moscow, 2012).
- Sokolovskaia O. V. 'O nachale Pervoi balkanskoi voiny 1912 g. (Neskolko pisem korolevy ellinov Olgi)', *Slavianskii al'manakh 2009* (Moscow, 2010).
- Tomohiko U. 'Vospriiatie mezhdunarodnoi obstanovki nachala XX v. A. Bukeikhanom i ego sovremennikami', *Alash myratty zhane tauelsiz Kazaxstan* (Astana, 2011).